

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*
ИС Р15-422-1850

На обложке — картина Василия Андреевича
Тропинина, современника русского пророка
монаха Авеля, «Монах за книгой»

Жизнеописание монаха Авеля прорицателя/
Ж 74 Сост. Н.С. Посадский. — М.: Сибирская Благо-
звонница, 2017. — 45, [3] с.

ISBN 978-5-906911-39-1

Таинственностью, трагизмом и удивительно точными и страшными предсказаниями выделяется монах Амель, получивший прозвище Вещий. Пророчества Авеля касались русской истории на огромный временной отрезок — от правления Великой Екатерины до правления Николая II. А возможно, и далее. По некоторым утверждениям — до самого что ни на есть конца... Монах Амель всегда оставался глубоко верующим человеком, чтившим Церковь. «Его жизнь достойна ужаса и удивления» — так было написано в одной из древних рукописей, озаглавленной: «Жития и страдания отца и монаха Авеля».

УДК 244
ББК 86.372-52

© Сибирская Благовзвонница,
состав, оформление, 2013

Губернатор, ознакомившись с книгой, посадил автора в Костромской острог, откуда того под строгим караулом доставили в Петербург.

В Петербурге нашлись люди, искренне заинтересовавшиеся его предсказаниями. Сохранились протоколы его допросов, начатые в Тайной экспедиции 5 марта 1796 года. Во время допросов простодушный АVELЬ ни от одного своего слова не отказался, утверждая, что видение таинственное было в 1787 году и он желал «об оном гласе сказать Ея Величеству», дабы она успела подготовиться к скорой кончине. В Бабаевском монастыре он записал свои видения.

Поскольку пророчество касалось царственной особы, суть дела доложили графу Самойлову, генерал-прокурору. Граф сам прибыл в Тайную экспедицию, долго беседовал с провидцем, склоняясь к тому, что перед ним просто юродивый. Он ударил Авеля по лицу, кричал на него: «Как ты, злая глава, смел писать такие слова, на земного

бога!» «Отец же АVELЬ стояше пред ним весь в благодати и весь в Божественных действиях. И отвечаая к нему тихим гласом и смиренным взором, рече: “Меня научил писать сию книгу Тот, Кто сотворил небо и землю, и вся яже в них”» (5).

После долгих сомнений решили все же доложить о предсказателе царице. Екатерина II, услышав дату собственной кончины, была в истерике. Поначалу «за сие дерзновение и буйственность» она хотела казнить монаха, как и предусматривалось законом. Но затем указом от 17 марта 1796 года «Ея Императорское Величество... указать соизволила оного Василия Васильева... посадить в Шлиссельбургскую крепость... А вышесказанные писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурора, хранить в Тайной экспедиции» (2).

9 марта 1796 года «опасного государственного преступника» определили в секретную камеру № 22 на пожизненное заключение в Шлиссельбурге. Комендант дал

арестанту самому распечатать конверт от генерал-прокурора, в котором написано было увещание, чтобы он во всем чистосердечно признался. Авель, выслушав сие увещание два раза, отвечал: «Я более того, что в книге написано, сказать ничего не имею, что и утверждаю клятвою».

В шлиссельбургских казематах пробыл Авель десять месяцев и десять дней. «Послушание ему было в той крепости: молиться и поститься, плакать и рыдать и к Богу слезы проливать, сетовать и воздыхать и горько рыдать; при том же ему еще послушание: Бога и глубину Его постигать...» (11). В каземате Авель узнал новость, о которой ему давно было ведомо: 6 ноября 1796 года, в 9 часов утра, скоропостижно скончалась императрица Екатерина II. Скончалась точно день в день, согласно предсказанию монаха.

На престол взошел Павел Петрович. Сменился генерал-прокурор, им стал князь Куракин. Разбирая в первую очередь особо секретные дела последнего года, он нашел

среди них бумаги Авеля и был поражен верностью предсказания о смерти императрицы. Князь Куракин «книгу» сидевшего в каземате пророка преподнес императору Павлу I. Немало удивленный сбывшимся предсказанием, Павел отдал приказ, и 12 декабря 1796 года предсказателя освободили и доставили во дворец.

Государь просил благословения прозорливца и «спросил у него по секрету, что ему случится?» Аудиенция была длительной, но проходила с глазу на глаз. Многие утверждают, что именно тогда Авель со свойственной ему прямоотой назвал дату смерти самого Павла и предсказал судьбы империи на двести лет вперед. Тогда же и появилось знаменитое завещание Павла I.

Петр Николаевич Шабельский-Борк (1896–1952) в начале 1930-х издал под псевдонимом Кирибеевич историческое сказание «Вещий инок». Вот отрывок из него.

«В зале был разлит мягкий свет. В лучах догоравшего заката, казалось, оживали библейские мотивы. Вокруг царила тишина и торжественность.

Пристальный взор императора Павла Петровича встретился с кроткими глазами стоявшего пред ним монаха Авеля. В них, как в зеркале, отражались любовь, мир и отрада.

Императору сразу понравился этот, весь овеянный смирением, постом и молитвою, загадочный инок. О прозорливости его уже давно шла широкая молва. Ведомо было императору Павлу Петровичу и то, как Авель точно предрек день кончины его Августейшей родительницы, ныне в Бозе почивающей государыни императрицы Екатерины Алексеевны. И вчерашнего дня, когда речь зашла о вещем Авеле, Его Величество повелеть соизволил завтра же нарочито доставить его в Гатчинский дворец, в коем имел пребывание двор. Ласково улыбнувшись, император Павел Петрович милостиво обратился к иноку Авелю с вопросом, как давно

он принял постриг и в каких монастырях спасался.

— Честный отец, — промолвил император, — о тебе говорят, да я и сам вижу, что на тебе явно почиет благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о роде моем во мгле веков и о державе Российской? Назови поименно преемников моих на престоле Российском, предреки и их судьбу.

— Эх, батюшка-царь! — покачал головой Амель. — Почто себе печаль предречь меня понуждаешь?

— Говори! Все говори! Ничего не утайвай! Я не боюсь, и ты не бойся.

— Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В Страстную субботу погребут тебя... Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой

великий грех царубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою... Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронте твоего замка, в коем воистину обетование и о царственном доме твоем: «Дому Твоему подобает святыня Господи в долготу дней...»

— О сем ты прав, — изрек император Павел Петрович. — Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть собор во имя святого Архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю Небесных воинств посвятил и замок, и церковь.

— А пошто, государь, повеление Архистратига Михаила не исполнил в точности? — сказал Его Величеству Абель со смирением. — Ни цари, ни народы не могут менять волю Божию... Зрю в нем преждевременную

гробницу твою, благоверный государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет... О судьбе же державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще — безбожном.

— Что? Святая Русь под игом безбожным? Не быть сему во веки! — гневно нахмурился император Павел Петрович. — Пустое болтаешь, черноризец.

— А где татары, Ваше Императорское Величество? Где поляки? И с игом безбожным то же будет. О том не печалься, батюшка-царь: христубийцы понесут свое.

— Что ждет преемника моего, цесаревича Александра?

— Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но невоготу станет ему скорбь тайная, и тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы, и праведным будет во очех Божиих...

— А кто наследует императору Александру?

— Сын твой, Николай...

— Как? У Александра не будет сына?

Тогда цесаревич Константин.

— Константин царствовать не восхощет, памятуя судьбу твою, и от мора кончину приемлет. Начало же правления сына твоего Николая дракою, бунтом вольтерьянским зачнется. Сие будет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая... Лет через сто примерно после того оскудеет Дом Пресвятыя Богородицы, в мерзость запустения обратится.

— После сына моего Николая на престоле Российском кто будет?

— Внук твой, Александр Второй, царем-Освободителем преднареченный. Твой замысел исполнен будет, крепостным он свободу даст, а после турок побьет и славян тоже освободит от ига неверного. Не простят бунтари ему великих деяний, «охоту» на него начнут,

убьют среди дня ясного в столице верноподданной отщепенскими руками. Как и ты, подвиг служения своего запечатлеет он кровию царственною, а на крови храм воздвигнется...

— Тогда и начнется тобой реченное иго безбожное?

— Нет еще. Царю-Освободителю наследует сын его, а твой правнук, Александр Третий. Миротворец истинный. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он. А только недолго царствовать будет.

— Кому передаст он наследие царское?

— Николаю Второму, святому царю, Иову Многострадальному подобному. Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную. О нем свидетельствует Писание. Псалмы 90, 10 и 20-й открыли мне всю судьбу его. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Искупитель будет, искупит собой народ свой — Бескровной Жертве подобно. Война

будет, великая война, мировая. По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друга друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет трон царский. Измена же будет расти и умножаться. И предан будет правнук твой, многие потомки твои убелят одежду кровию Агнца такожде, мужик с топором возьмет в безумии власть, но и сам опосля восплачется. Наступит воистину казнь египетская. — Горько зарыдал вещей Авель и сквозь слезы тихо продолжал: — Кровь и слезы напоят сырую землю. Кровавые реки потекут. Брат на брата восстанет. И паки: огонь, меч, нашествие иноплеменников и враг внутренний, власть безбожная, будет жид скорпионом бичевать землю Русскую, грабить святыни ее, закрывать церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть поущение Божие, гнев Господень за отречение России от своего Богопомазанника. А то ли еще будет! Ангел Господень изливает новые чаши бедствий, чтобы люди в разум

пришли. Две войны, одна горше другой, будут. Новый Батый на Западе поднимет руку. Народ промеж огня и пламени. Но от лица земли не истребится, яко довлеет ему молитва умученного царя.

— Ужели сие есть кончина державы Российской и несть и не будет спасения? — спросил Павел Петрович.

— Невозможное человеком возможно Богу, — ответствовал АVELЬ. — Бог медлит с помощью, но сказано, что подаст ее вскоре и воздвигнет рог спасения русского. И восстанет в изгнании из дома твоего Князь Великий, стоящий за сынов народа своего. Сей будет избранник Божий, и на главе его благословение. Он будет един и всем понятен, его учует самое сердце русское. Облик его будет державен и светел, и никто же речет: «Царь здесь или там», но: «это он». Воля народная покорится милости Божией, и он сам подтвердит свое призвание... Имя его трикратно суждено в истории российской. Пути быинные сызнова были на русское горе...